

Анастасия Максимова

Московские мечты

Анастасия Алексеевна Максимова

Московские мечты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73208088

ISBN 9785006899193

Аннотация

Иногда жизнь даёт тебе не просто путёвку в лагерь, а новый мир..Поездка в «Орлёнок» стала для Аси поворотной. Там, среди моря и гор, она встретила его.. Но смена закончилась, и они разъехались по своим городам, оставив лишь обещание когда-нибудь встретиться снова..Эта книга – о смелости не отпускать мечту.Приятным дополнением к трилогии будет сборник собственно сочинённых стихов на всё вкусы!

Содержание

Эпиграф	5
ПЛЕЙ-ЛИСТ	6
РАССКАЗЫ	8
ДЕРЕВО ЖЕЛАНИЙ	8
ТРИЛОГИЯ	11
ОРЛЯТСКАЯ ИСТОРИЯ	12
Глава I. Пролог в солнечных лучах	12
Глава II. Дискотека	13
Глава III. Первая Ошибка	15
Глава IV. Лестничные встречи	16
Глава V. Разбитые Экраны	18
Глава VI. Бал: Вальс	19
Глава VIII. Эпилог: После Орлёнка	24
САМОЕ ВАЖНОЕ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ	27
I. Франция	27
II. Италия	32
III. АРГЕНТИНА	37
IV. ОАЭ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Московские мечты

**Анастасия Алексеевна
Максимова**

© Анастасия Алексеевна Максимова, 2026

ISBN 978-5-0068-9919-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф

Что находится между Орлёнком и Москвой? Каждый, кто скажет дорога, поезда, машины, километры.. будет несомненно прав. Но что если я скажу, что кроме этого, ещё миллион тревог, слёз, сообщений и переживаний. И я тоже буду права. В первой части моей книги вас ждёт удивительная трилогия, про то, как обычная девочка Ася, смогла добиться всего только благодаря одной встречи..и надежды. Во второй части вас будут ждать стихи буквально обо всем: о Москве, о Родине, о всё всё всем!

Очень надеюсь, что всем, кто прочтет очень понравится, не судите строго, это мой первый сборник:3

Приятного прочтения, всех люблю:3##

ПЛЕЙ-ЛИСТ

- Кораблик детства (02:56) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Белая каравелла (02:22) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Гимн юных Петербуржцев (01:46) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Орлёнок, Орлята (03:23) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Изгиб гитары жёлтой (03:31) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Сплавная (03:04) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Перевал (02:04) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Философы в тринадцать (02:35) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Орлята учатся летать (02:43) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Звездопад (03:35) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Оркестр (03:01) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- А-а-а Орлёнок (03:50) – песни ВДЦ «Орлёнок»
- Рассвет (01:48) – Конец солнечных дней
- Дети немой страны (02:12) – Конец солнечных дней
- Танцы (02:55) – ssshhhiittt!
- Лиза (04:20) – Андрей Губин
- Шелкопряд (05:03) – Flëur
- Отречение (04:15) – Flëur
- Надежда (03:46) – Анна Герман
- Все пройдет (03:57) – Михаил Боярский
- П.М.М.Л (03:37) – Земфира

- Финала не будет (04:05) – Конец солнечных дней
- Неважно (04:39) – Конец солнечных дней
- Глаза (прилипли) (03:34) – Комсомольск
- Гимн географов (02:15) – Грассмейстер
- Merry on a cross (04:34) – Ghost
- Порушка-Паранья (02:40) – Ариэль
- Вера (04:05) – Валерий Меладзе
- Александра (03:39) – Татьяна Никитина
- Well meet again (02:31) – Joost

РАССКАЗЫ

ДЕРЕВО ЖЕЛАНИЙ

Ася приехала в Артек с сердцем, полным предвкушения. Солнце ласково грело ее щеки, а морской бриз трепал волосы, обещая незабываемое лето. Но среди всех чудес, которые открывались ей каждый день – бескрайнее море, величественные горы, новые друзья – одно стало для нее особенным. Это было Дерево Желаний.

О нем шептались девочки в отряде, рассказывали легенды, как оно исполняет самые сокровенные мечты. Ася, с ее детской непосредственностью, тут же загорелась идеей. Ее желание было простым и одновременно таким важным: вернуться в Артек. Снова. И снова. Всю смену Ася жила этой мечтой.

Каждый день она искала возможность попасть к заветному дереву. Она расспрашивала старших вожатых, подслушивала разговоры, даже пыталась незаметно прокрасться в запретные уголки лагеря. Но Дерево Желаний, казалось, было неуловимым. То оно находилось слишком далеко, то время для посещения было ограничено, то просто не складывалось. Смена подходила к концу, а заветная встреча так и не состоялась.

В день отъезда, когда автобус уже ждал у ворот, Ася сидела у окна, провожая взглядом знакомые тропинки и корпуса. Грусть смешивалась с легким разочарованием. Она не успела. Не успела загадать свое самое главное желание. Но вдруг, в этот момент, когда последние лучи солнца окрашивали небо в золотисто-розовые тона, Ася поняла.

Дерево Желаний – это не просто место, куда пришел и загадал. Это символ. Символ того, что для осуществления мечты нужно не только верить, но и стараться, стремиться, идти к цели. Ее желание вернуться в Артек не исполнилось само по себе, но оно зародило в ней что-то новое – понимание силы упорства.

Прошли годы. Ася выросла, но Артек остался в ее сердце ярким воспоминанием. И вот, однажды, она снова стояла на артековской земле. Не как ребенок, а как молодая женщина, приехавшая на встречу с прошлым, на экскурсию, которая пробудила в ней давно забытые чувства.

Она бродила по знакомым местам, и вдруг, совершенно случайно, увидела его. Дерево Желаний. Оно стояло, величественное и спокойное, такое же, как в ее детских воспоминаниях. Сердце Аси забилось быстрее. Она не загадывала желание, не шептала слова. Вместо этого, она просто подошла к нему, прикоснулась к шершавой коре и прошептала: «Спасибо».

Спасибо за то, что оно научило ее верить.

Спасибо за то, что оно показало ей путь. Спасибо за то, что оно стало катализатором ее стремлений. И в этот момент, словно в ответ, одна из веток дерева тихонько качнулась, будто приветствуя ее, будто подтверждая, что ее мечта, пусть и не загаданная у его подножия, все же сбылась.

Даже несмотря на то, что в тот первый раз

Ася не успела увидеть Дерево Желаний и загадать свое самое заветное желание, она все равно смогла его осуществить. Благодаря вере в чудо, которая жила в ее детском сердце, благодаря упорству, которое она обрела, стремясь к своей цели, и благодаря неугасающему стремлению к мечте, которое она пронесла через годы. Ведь истинное волшебство заключается не в самом дереве, а в силе, которая живет внутри нас, готовая превратить любое, даже самое смелое, желание в реальность.

ТРИЛОГИЯ

*«И нет пути вперед без пути назад»
О. Мандельштам*

ОРЛЯТСКАЯ ИСТОРИЯ

*«Незабвенна не радость – незабвенна боль.
В этом наше проклятие и наше счастье»*

И. Бунин

Глава I. Пролог в солнечных лучах

Ася зажмурилась от южного солнца, когда автобус, вывернувшись из-за сосен, наконец-то показал табличку «ВДЦ «Орлёнок». Сердце заколотилось в предвкушении. Эта поездка была ожидаемой целый год – награда за победу в конкурсе, путёвка в легенду. Она ехала на программу «Профессиональные старты. Наставники Орлят России», и в груди трепетало всё: от морского воздуха, до смеха новых друзей, что вот-вот появятся.

И они появились. Отряд №8. «Лучи Орлятских сердец», лучшие из лучших, как их сразу себя окрестили. Четыре девочки из разных уголков страны, которых за несколько часов сплотила орлятская атмосфера. Аля, Настя, Маша и она, Ася. С первого дня они стали командой. Дни понеслись калейдоскопом событий: мастер-классы, лекции, проектная работа, забеги к морю на рассвете, душевные «свечки» вечерами. Время потеряло свою плотность, оно текло, как песок сквозь пальцы, яркое и невозвратимое.

Ася ловила каждый момент, записывая в памяти отблески солнца на воде, вкус орлятской ватрушки и безудержный хохот своей четверки. Она была счастлива. Ей казалось, что так будет до самого конца смены. Но судьба, как выяснилось, приготовила свой сценарий.

Глава II. Дискотека

Пятый день смены. Дискотека. Площадь «Юность» гудела, как растревоженный улей. Лучи прожекторов резали темноту, бит пульсировал в полу, отдаваясь в стопах. Четвёрка была в сборе. Девочки, сцепившись руками, подпрыгивали в такт знакомым хитам, выкрикивали слова песен, заливаясь смехом. Они были центром вселенной, и все вокруг лишь фоном.

И вот музыка сменилась. Резко, без паузы. На смену зажигательным ритмам пришли первые, щемящие аккорды гитары. «Выпускной» Басты. Медляк.

Энергия моментально спала. Танцпол замер в нерешительности. Пары начали сливаться в медленном танце, а их весёлая компания оказалась на обочине общего настроения.

Взгляды девочек заскользили по залу, выискивая «жертв». И они их нашли. Неподалёку стояли трое парней. Высокий, светловолосый; другой, пониже, с тёмными волосами и хитрой улыбкой; и третий, самый главный из них, в кепке.

– Смотрите, какие симпатичные! -прошептала Маша.

– Это из какого отряда? – тут же посыпались вопросы.

Но никто не знал.

– Настя, давай, ты с тем, с брюнетом, – подтолкнула Аля подругу.

– Да не, он мне не очень, – сморщилась Настя. – Сама танцуй.

Чтобы не разводить спор, вперёд вышла Маша, решив протанцевать с тем, кого позже окажется Даня, просто для галочки. В этот момент Аля и Настя синхронно повернулись к Асе.

– Ась, а ты с тем белобрысым! -прошептала Аля, подталкивая её вперёд.

– Что?! Нет! – зашипела Ася, пытаясь сопротивляться.

– Да просто по приколу! Посмотри, какой он симпатичный! – сказала Настя.

Ася секунд десять отнекивалась, краснея и пытаясь вырваться из их хватающих рук. Но в итоге сдалась. Сделала неуверенный шаг в сторону высокого парня с блондинистыми волосами. Он стоял, чуть склонив голову, и Ася заметила, что глаза у него... зелено-голубые, как море в солнечный день.

– Ладно, давай, раз уже нас заставили.. – шепнула она.

Он кивнул. Его руки коснулись её плеч, её ладони легли на его плечи. Они закружились. Его звали Ваня. Она поймала это, когда он представился. Ася не решалась поднять

глаза, чувствуя, как горит всё лицо. Для неё эти три минуты растянулись в вечность.

Тем временем Настя, оставшись без пары, подошла к третьему парню, Серёже. Он показался ей милым.

Когда медляк закончился, музыка смолкла, и вожатые начали строить отряды. Ребята и девчонки оказались рядом в общей суматохе.

– А вы из какого отряда? – сорвалось у Аси.

– Третьего! – ответил один из них. – Двадцать третья комната!

– А мы восьмой! – хором ответили девочки.

– Тридцать вторая! – добавил кто-то

Глава III. Первая Ошибка

Весь следующий день четверка пребывала в лёгком возбуждении. Девочки ждали, что парни проявят инициативу, найдут, придут. Но день прошёл, а гостей с третьего отряда не было.

– Ладно, орлы сами в руки не даются, - философски заключила Маша. – Будем искать сами.

Ася, как самая решительная в цифровом пространстве, нашла в общем чате смены кого-то из 3-го отряда. Ею оказалась девочка Арина, которая с готовностью скинула юзы ребят. Но тут их ждала главная загвоздка. В суматохе они не запомнили, кого как зовут! Они помнили внешность: Вы-

сокий Блондин (Ваня), Тёмный (Даня) и Тот, в кепке (Серёжа). Но кто из них под каким юзернеймом скрывался?

Началась детективная игра. Решили писать тому, кто, как они думали, был Даней (на самом деле это был Ваня).

«Привет! Кстати, а как зовут твоего друга, не Сережа, котор тоже танцевал вчера» «Можешь его юз дать?»»

Ответ пришёл быстро. «панравився да?» – написал он.

Девочки, хихикая, подтвердили. «Даня» скинул юз. Девочки тут же написали по нему сообщение: «Привет, это мы, с дискотеки»».

Через несколько минут в чате взорвалась бомба. Тот, с кем они изначально писали («Даня»), скинул кружочек, где был запечатлён он и высокий блондин. И подписал: «Вы точно хотели со мной пообщаться, не с ним?»»

Между четверкой воцарилась минутная тишина, а потом его разорвало от осознания провала.

«Тогда пишите 1» – добавил он.

Девочки поняли. Они перепутали всех. Они писали Ване, думая, что это Даня, и просили юз «светлого» – то есть его же самого. Они лоханулись по полной программе. Стыд, смех и отчаяние – всё смешалось в один клубок.

Глава IV. Лестничные встречи

Лёд, однако, был сломлен. Общение началось. В основном, переписывалась Ася и Ваня, лишь изредка они обща-

лись все: три парня и три девчонки. Они договорились встретиться на нейтральной территории – на лестнице между вторым и четвёртым этажами.

Встречи стали регулярными. Вечерами и во время ПЧМ они тайком от вожатых собирались на холодных бетонных ступенях, болтали обо всём на свете, играли в «Крокодила» и «Шляпу». Ася молчала. Она была от природы стеснительной, а рядом с Ваней её язык и вовсе будто отнимался. Ася ловила каждое его слово, каждый жест, и чувствовала, как в груди разгорается что-то тёплое и тревожное.

И вот однажды Настя, самая бойкая и решительная из них, предложила:

– А давайте спросим у Вани прямо, нравится ли ему Ася?

Ася смутилась, но в глубине души ей было страшно любопытно. Она согласилась с лёгкой улыбкой, разрешив девочкам задать этот вопрос.

Она не пошла с ними на лестницу, осталась в комнате, нервно ожидая вердикта. Когда девочки вернулись, их лица были немного растеряны.

– Ну что? – с надеждой спросила Ася.

– Он сказал... «Не знаю», – начала Маша. – А потом добавил: «Мы же из разных городов. Я с Москвы, она... с Ростова. Судьбы нет».

Эти слова повисли в воздухе, как приговор. «Судьбы нет». Для него это была констатация факта. Для Аси – нож в сердце. В тот вечер все пошли играть в Уно в комнату к ребятам.

Ася не пошла. Она сказала, что устала, и поднялась к себе. Спрятавшись в подушку, она дала волю слезам. Эта первая, едва зародившаяся надежда была растоптана так легко, так буднично.

Позже Ваня написал ей: «Куда же уходишь всегда»
«Хз, просто хотела в комнате побыть», – ответила Ася.

Глава V. Разбитые Экраны

На следующий день случилось несчастье. Ася, переодеваясь перед морем, уронила свой телефон. Он упал плашмя на кафельный пол, и экран превратился в паутину трещин. При попытке включить – лишь чёрный прямоугольник. Телефон был мёртв. Она чувствовала себя отрезанной от мира, и в первую очередь – от того слабого мостика, что связывал её с Ваней.

Ирония судьбы была беспощадной. На следующий день свой телефон разбил и Ваня. «Мы теперь коллеги по несчастью», – сказал он Асе. Эта маленькая общая беда снова сблизила их. Они шутили про «клуб разбитых экранов», и Ася снова начала надеяться. Может, «судьбы нет» – это просто слова?

Но пока она оставалась в цифровом вакууме, в реальном мире происходили свои перемены. Настя, у которой телефон был цел, всё чаще переписывалась с Ваней. Ася заметила, что Настя и Маша стали неразлучны, шептались по углам

и замолкали, когда она подходила. В её душе зашевелилась тревожная, холодная догадка.

Однажды вечером, когда они втроём – Ася, Настя и Маша – спустились на лестницу к Ване, картина стала ясной. Ася, как обычно, молчала, погружённая в свои мысли. Настя же, наоборот, была необычайно оживлена. Она задавала Ване вопросы, смешила его, рассказывала забавные истории из жизни отряда. И Ваня... Ваня отвечал. Они разговаривали. Не просто обменивались репликами, а именно разговаривали – легко и непринуждённо.

Ася сидела на ступеньку выше и смотрела на затылок Вани. Она понимала, что между ними возникает та самая связь, которой так не хватало ей. Ей было больно и обидно. Предательски щипало в глазах.

Через пару дней она не выдержала и выложила свои подозрения Маше.

– Настя влюбилась в Ваню, да?

Маша смутилась, потупила взгляд и тихо ответила:

– Да. Она не хотела, чтобы ты знала. Боялась, что тебе будет неприятно.

«Опоздала», – пронеслось в голове у Аси. Всё, точка. Игра проиграна, даже не успев начаться.

Глава VI. Бал: Вальс

Близился Бал – кульминация любой орлятской смены.

Волнение зашкаливало. Девочки из 8-го отряда, будущие вожатые, репетировали свои номера. И вот объявили отряды-пары для танцев. По случайному (или неслучайному?) стечению обстоятельств, их отряд танцевал с 3-м.

Сердце Аси забилося чаще. У неё был шанс. Настоящий, осязаемый.

Ваня, как выяснилось, ни с кем не хотел танцевать, но правила есть правила. И вот заиграл вальс. Но не обычный, – в большом кругу, где пары менялись каждые несколько тактов. Настя, с горящими глазами, пыталась рассчитать движение, чтобы оказаться в паре с Ваней. Но у неё не получилось. Вместо неё в его объятия на несколько секунд попала Ася.

Она вложила в эти секунды всю себя. Его рука на её талии, её ладонь в его руке, один стремительный поворот... и он уже отпускает её, передавая следующему партнёру. Для Аси это была целая вечность, секунда абсолютного счастья, ради которой стоило пережить все предыдущие обиды. Для него – скорее всего, просто элемент танца. Она сомневалась, что он вообще её узнал в общей круговерти.

Когда вальс закончился, по иронии судьбы, Ася оказалась стоящей рядом с Ваней. Дыхание перехватило. И тут оркестр заиграл танго.

Их компания – Аля, Маша, другие девочки – сгрудилась вокруг Вани.

– Ваня, давай, пригласи Настю! Танго же! Станцуй с Настей! – звучали их голоса.

Ася замерла, смотря на него, в последней надежде. Но Ваня, после секундной паузы, согласился..

В этот момент мир для Аси потерял цвета. Всё стало чёрно-белым, как в старом кино. Она механически позволила пригласить себя какому-то парню из третьего отряда и протанцевала всё танго, не чувствуя ни музыки, ни шагов. Она видела только их – красивую, стройную пару, которая выглядела так гармонично, что было больно смотреть. Каждое движение, каждый взгляд казались ей издевательством. Она танцевала с одним, а сердце её разрывалось, глядя на другого.

Глава VII. Последние Дни: Прощание с Орлёнком

После Бала в лагере оставалось всего несколько дней. Поскольку вожатые 3-го отряда уехали репетировать танец на закрытие, девочкам-«вожатым» из 8-го разрешили пойти «улаживать» их подопечных – помочь с порядком в комнатах.

Ася и Маша пошли в одну комнату, а Настя в другую – там, где был Ваня.

Спустя час, вернувшись в свою комнату, Настя не могла скрыть восторга.

– Вы не представляете, как мы классно с Ваней общались! – восторженно начала она. – Он такой смешной! И умный! Мы про всё поговорили!

Ася делала вид, что разбирает вещи, и молчала. На следующий день она оказалась в той злополучной 23-й комнате, и стала свидетелем их милой беседы. Боль сжимала сердце.

И вот наступил последний день. День отъезда. Все обнимались, плакали, обещали писать и обязательно встретиться. Ася рыдала, обнимая каждого в своём отряде – и Алю, и Машу, и даже Настю. Она плакала о закончившейся смене, о друзьях, о несбывшемся.

Потом она увидела Ваню. Подошла, стараясь улыбаться сквозь слёзы.

– Давай сфоткаемся на память? – попросила она.

Он кивнул. Они обнялись для фото. Его объятия были быстрыми, дружескими. Потом она видела, как он обнимал Настю. Дольше. Крепче.

И вот финальный орлятский ритуал – «коридор из рук». Все ребята и вожатые выстроились в два длинных ряда, протянув друг другу руки, образуя живой туннель. Каждый уезжающий должен был пройти по нему, и его осыпали добрыми пожеланиями, похлопывали по плечам.

Ася шла, улыбаясь сквозь слёзы, касаясь протянутых ладоней. Она уже почти прошла весь коридор, когда вдруг по-

чувствовала лёгкое, почти невесомое прикосновение к своей голове. Поглаживание. Она инстинктивно обернуться не могла – нельзя было нарушать ритуал. Но она знала. Знала, что это был он. Ваня, стоявший последним в ряду.

Она сделала ещё несколько шагов, вышла из коридора... и тут её прорвало. Она шла и рыдала. Этот простой, нежный жест -поглаживание по голове – перевернул в ней всё.

Он зацепился в душе намертво. В этот момент ей стало всё равно, что было с Настей. Это был её момент. Её прощение. Её знак. И она поняла, что Ваня для неё – не просто случайный попутчик из летней смены. Он – часть её сердца.

Глава VIII. Эпилог: После Орлёнка

После лагеря началась обычная жизнь. Ася починила телефон и первым делом написала Ване. Их общение продолжилось. Сначала оно было тёплым, они вспоминали смену, шутили. И однажды они просидели в чате всю ночь, до самого утра. Для Аси это была лучшая ночь в её жизни. Она снова начала верить в чудо. Может, расстояние – не приговор? Может, «судьбы» всё-таки существуют?

Но сказка длилась недолго. Через несколько недель Ваня написал ей. Сообщение было коротким и жёстким, без всяких вежливых оборотов.

«в москве все другие. вы как будто отстали от всего. ты неходишь в ту категорию людей с которыми я общаюсь»

и как вообще можно общаться если нету ничего общего. меня все общение с тобой смущают твои рандомные вкиды ты не близкий друг тогда не пиши. Настя так что хватит донимать меня я тебя щас просто блокну просто общайся с умными, и не будь скучной»

Ася перечитывала эти строки снова и снова, пока буквы не поплыли перед глазами. Каждое слово обжигало, как удар. «Не пиши». «Ты неходишь в ту категорию людей с которыми я общаюсь». Она ничего не понимала. Почему так жестоко? После той чудесной ночи? После орлятских дней? Что она сделала не так?

Она не знала настоящей причины. Может, ему надоело общение? Может, Настя, с которой они наверное продолжали общаться, что-то сказала? А может, он просто решил отрезать всё разом, без объяснений. Она так и не узнала ответа.

С момента того сообщения прошло три месяца. Осень сменилась зимой. Ася училась, встречалась с друзьями, жила своей жизнью. Но где-то глубоко внутри, в самом потаённом уголке сердца, продолжал жить парень с белобрысыми волосами и глазами цвета моря. Мальчик по имени Ваня. И Ася всё никак не могла его забыть. Потому что «Орлёнок» – это не просто место на карте. Это чувство. Первая искра. Первая боль. И поглаживание по голове в прощальном коридоре, которое жжётся в памяти ярче, чем все последующие разочарования. И она знала, что будет помнить это всегда. И может быть, спустя пару лет они встретятся, а может, Ася всё-таки

забудет о нем.. но это будет уже другая история.

САМОЕ ВАЖНОЕ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ

I. Франция

Самолет «Аэрофлота» коснулся посадочной полосы аэропорта Шарль-де-Голль в хмурый парижский полдень. Ася, прилипшая к иллюминатору, ждала вспышек солнца, элегантных силуэтов Эйфелевой башни и улыбок стюардесс. Вместо этого ее встретили низкие свинцовые тучи, бесконечные серые рулежки и влажный, пронизывающий ветер, который встретил ее у трапа, словно предупреждая: «Не жди от меня тепла».

Дорога до отеля в районе Ле-Аль на такси была нервной. Водитель, хмурый мужчина с сигаретой в углу рта, лихо подрезал других, бормоча под нос ругательства. Ася сжимала в руках путеводитель, где Париж был изображен городом света и романтики, и чувствовала себя обманутой. Ей казалось, она приехала не в столицу моды и любви, а в какой-то гигантский, неухоженный муравейник. Запах бензина, выхлопных газов и влажного асфальта смешивался в одну удушливую смесь. «Неужели это он? Тот самый Париж?» – пронеслось в голове, и ком разочарования подкатил к горлу.

Ее комната в маленьком отеле оказалась крошечной, с видом на глухой соседский двор, где ржавые пожарные лестницы сплетались в причудливый металлический узор. Она бросила чемодан и села на кровать, чувствуя себя одинокой и потерянной. Первый вечер она провела, бродя по окрестным улицам, пытаясь поймать тот самый образ из кино. Но вместо него она видела горы мусора у помойок, спешащих куда-то уставших людей и навязчивых торговцев сувенирами. Она купила багет и сыр в маленькой лавке, но даже они не принесли ожидаемого удовольствия. Все казалось пресным и чужим.

На следующее утро она проснулась от шума дождя по крыше. Решив не поддаваться унынию, она натянула плащ и пошла бродить без цели. Свернув с оживленной улицы Риволи в лабиринт переулков Марэ, она вдруг почувствовала, как город начинает меняться. Исчезли широкие проспекты, толпы туристов остались позади. Здесь, в узких, вымощенных булыжником улочках, пахло кофе, свежей выпечкой и мокрым камнем.

Она вышла на небольшую площадь Вогезов. Ровный квадрат зданий из розового кирпича, подстриженные липы, симметричные аркады. И тишина. Словно кто-то выключил звук у всего Парижа. Ася села на скамейку под каплями дождя и просто смотрела. Смотрела, как старик в кепке выгуливает таксу, как из дверей букинистического магазина вышла женщина с охапкой книг и зонтиком, как два подростка, спря-

тавшись под аркой, делили одну на двоих сигарету. И тут ее осенило. Она пыталась смотреть на Париж глазами туриста, выискивая достопримечательности. А нужно было просто смотреть глазами человека.

Она провела на той скамейке почти два часа, забыв о времени. И впервые за два дня почувствовала не раздражение, а любопытство.

К полудню дождь кончился, выглянуло солнце, преобразив мокрые камни в бархатистую, сияющую мостовую. Ася, проголодавшись, зашла в маленькую кондитерскую на Рю-Монторгей. Витрина ломилась от эклеров, заварных пирожных и разноцветных макарон.

Внутри пахло ванилью, шоколадом и свежемолотым кофе. За столиком у окна сидела пожилая пара. Ему было лет семьдесят, в аккуратном твидовом пиджаке, ей – чуть меньше, в элегантном платье и с легким шарфиком на шее. Они ели эклеры с таким видом, словно это было самое важное событие дня. Крем пачкал им пальцы и губы, крошки осыпались на стол, и они смеялись. Заразительно, по-детски беззаботно. Они не пытались быть идеальными, не позировали. Они просто наслаждались моментом, друг другом и этим нелепым, прекрасным эклером.

Ася смотрела на них и понимала, что вот он – настоящий Париж. Не в идеально отполированных витринах Лувра, а в этих крошках на столе, в этом смехе, в умении превра-

щать обычный поход в кондитерскую в маленький праздник.

Когда пара уходила, мужчин галантно пропустил даму вперед, и на прощанье кивнул Асе с легкой улыбкой. В его взгляде не было ни капли смущения от того, что их видели в такой «неидеальный» момент. Было спокойное достоинство.

Ася заказала себе кофе и тот самый эклер. И съела его, не стараясь быть аккуратной. И это был самый вкусный десерт в ее жизни.

Следующие дни Ася провела, подражая той паре. Она научилась искусству «фланирования» – бесцельного блуждания. Она могла час сидеть в Люксембургском саду, наблюдая, как дети пускают кораблики в фонтане, а старики играют в петанк. Она пила кофе за столиком вполоборота к улице, подставляя лицо редкому солнцу, и читала не путеводитель, а сборник стихов Жака Превера, купленный тут же, на набережной Сены.

Однажды она забрела на блошинный рынок Сен-Уэн. Среди гор старинного хлама она нашла старую открытку с видом Монмартра начала века. На обороте чьим-то изящным почерком было написано: «*Mon cher, aujourd'hui il pleuvait, et c'était parfait.*» – «Мой дорогой, сегодня шел дождь, и это было прекрасно». Эта фраза стала для нее откровением. Легкость – это не про вечное солнце и улыбки. Это про умение находить совершенство в несовершенстве, радость – в до-

жде, а счастье – в простом моменте, разделенном с кем-то.

Она перестала штурмовать достопримечательности по списку. Вместо этого она поднялась на Монмартр в будний день, рано утром, когда там почти не было туристов, и долго стояла перед базиликой Сакре-Кер, глядя на просыпающийся город у своих ног. И этот вид, без суеты и селфи-палок, стоил всех очередей в Лувр.

Уезжала она из Парижа другим человеком. В ее чемодане не было магнитов с Эйфелевой башней, зато лежала та самая потрепанная открытка с блошиного рынка. Она увозила с собой не идеальную картинку, а чувство. Чувство легкой грусти и светлой благодарности.

Самолет отрывался от французской земли, и Ася смотрела в иллюминатор на уходящие вниз огни. Она больше не чувствовала разочарования. Париж не стал для нее городом-мечтой. Он стал городом-учителем. Он показал ей, что главная роскошь – это не богатство и не статус, а время, потраченное на то, чтобы просто быть. Быть здесь и сейчас. Быть немного неидеальной. И быть по-настоящему счастливой от этого.

Она поняла, что легкость – это не поверхностность. Это глубокое принятие жизни со всеми ее дождями, крошками от эклеров и неожиданными поворотами. И этот урок был дороже любой самой знаменитой достопримечательности.

II. Италия

Поезд из аэропорта Фьюмичино нёсся к Риму, и Ася чувствовала, как нарастает тревога. После умиротворяющей гармонии Парижа её встретил оглушительный, почти вульгарный гам южной столицы. На вокзале Термини пахло потом, жареными каштанами и выхлопными газами. Таксист, смуглый жизнерадостный тип, орал в телефон, лихо объезжая пробки и жестикулируя так, что машина виляла.

«Мама миа!» – это восклицание Ася слышала каждые пять минут. Оно могло означать что угодно: восторг перед удачно припаркованной машиной, ужас от цены на кофе, призыв к небесам взирать на римское безобразие.

Её комната в пансионе near вокзала оказалась настолько мала, что чемодан не помещался на полу. Но из окна открывался вид на крыши – терракотовые черепицы, спутниковые тарелки, развешенное бельё и купол какой-то церкви вдали. Этот вид был настолько живым и настоящим, что Ася внезапно рассмеялась. Рим не пытался ей понравиться. Он был таким, каким был – громким, театральным, слегка потрёпанным и оттого бесконечно обаятельным.

Первый вечер она провела, просто бродя. Заблудилась в лабиринде переулков Пьяцца-Навона. Из каждого кафе доносились взрывы смеха, звон бокалов. Пожилые синьоры в идеальных костюмах неспешно прохаживались, обсуждая

что-то с невероятной серьёзностью. Девушки на мотороллерах, развевающиеся волосы как шлейф, лихо объезжали пешеходов. Здесь царил священный хаос, и Ася, к своему удивлению, почувствовала в нём уют.

На следующее утро она отправилась в Колизей. Очередь была гигантской, солнце палило нещадно. Купив бутылку воды у уличного торговца, она прислонилась к древней стене, закрывавшей глаза. И сквозь шум толпы ей почудился иной гул – рев пятидесятитысячной толпы, лязг оружия, рычание зверей.

Открыв глаза, она увидела, что к ней подошёл пожилой смотритель в униформе.

– Stanca? – устала? – спросил он на ломаном английском.

– Un po', – немного, – кивнула Ася, вспомнив несколько заученных фраз.

Мужчина улыбнулся.

– Они все устают, – кивнул он в сторону очереди. – Бегут, смотрят, фотографируют. Убегают. А камни... камни ждут. Они никуда не торопятся.

Он поманил её за собой, отойдя от основного потока туристов к остаткам мраморных сидений.

– Вот здесь сидели сенаторы. Чувствуешь? Прохлада. А здесь – плебс. Жарко, воняло потом и чесноком. – Он провёл рукой по шершавой поверхности. – Я здесь работаю сорок лет. Каждый день разговариваю с ними. Они мне – истории, я им – новости. Сегодня, например, рассказал, что «Ро-

ма» выиграла.

Ася смотрела на него, заморожённая. Для неё Колизей был мёртвым музеем. Для него – живым соседом, с которым можно поболтать о футболе. Это было её второе откровение: история здесь не закончилась. Она продолжается в трещинах камней, в голосах потомков, в страстях, которые всё так же кипят, хоть и по другим поводам.

Из Рима она поехала на юг, в Неаполь. Если Рим был театром, то Неаполь – его закулисем, шумным, грязным и по-настоящему человеческим.

Здесь её ждал главный гастрономический шок. В крошечной пиццерии в переулке, где пиццу готовил толстый, вспотевший пиццайоло с лицом античного бога, ей подали «Маринару». Она ждала тонкое, изысканное блюдо. Вместо этого перед ней положили гигантский, пузырящийся блин толщиной в палец, плавающий в луже оливкового масла.

– Как это есть? – растерянно спросила Ася.

Пиццайоло, не говоря ни слова, ловким движением сложил пиццу вчетверо, как конверт, и протянул ей.

– *Mangia così! Così il sapore resta dentro!* – Ешь так! Так вкус остаётся внутри!

Первый укус стал откровением. Это был не просто перекус. Это был взрыв вкусов – кислота томатов, острота чеснока, аромат орегано. Сок тек по подбородку, капал на одежду. Ася смеялась, пытаясь удержать этот горячий, неудобный, божественный свёрток. Она поняла, что неаполитан-

ская пицца – это метафора самой Италии. Её нельзя потреблять аккуратно, на расстоянии. В неё нужно вляпаться с головой, испачкаться, отдаться процессу целиком.

Флоренция встретила её прохладной элегантностью после неаполитанского хаоса. В галерее Уффици она стояла перед «Рождением Венеры» Боттичелли. Толпа туристов гудела, вспышки фотоаппаратов ослепляли. Ася пыталась увидеть шедевр, но видела только спины и телефоны.

К ней подошёл тот же седовласый смотритель, что был в Риме, будто он перемещался вместе с ней.

– Опять ты, – улыбнулся он. – Опять пытаешься увидеть картину глазами.

– А как иначе? – удивилась Ася.

Он подмигнул.

– Глазами соседа. Для тебя она – «Рождение Венеры». Для меня – Симонетта. Девушка, которая жила в моём городе, вон в том палаццо. Она умерла молодой, от чахотки. А Боттичелли сделал её бессмертной. Я прихожу сюда не на шедевр посмотреть. Я прихожу с соседкой поздороваться. Спросить, как её вечность.

Он ушёл, оставив Ася одну. И картина вдруг ожила. Это была не икона искусства, а портрет реальной девушки с печальными глазами. Ася простояла перед ней до самого закрытия, когда залы опустели. И в тишине ей почудился лёгкий вздох – то ли ветра с Арно, то ли Симонетты, принимающей её молчаливые соболезнования.

Последние дни в Италии Ася провела в Сиене. Она сидела на Пьяцца-дель-Кампо, той самой раковине, где два раза в год проходит безумные скачки Палио. Но сейчас площадь была пуста и безмятежна. Солнце прогревало древние камни, голуби ворковали. Она купила мороженое – джелато – и ела его, не думая ни о чём.

Она вспоминала римский хаос, неаполитанскую страсть, флорентийскую вечность. И поняла, что все они вели к одному – к умению быть здесь. В настоящем моменте. Не в прошлом, не в будущем. Итальянцы были мастерами этого искусства – «дольче фар ниенте», сладкого ничегонеделания. Но это ничегонеделание было не ленью, а высшей формой присутствия.

В самолёте из Рима она смотрела на уходящие вниз очертания Апеннинского полуострова и не чувствовала грусти. Она увозила с собой нечто большее, чем фотографии. Она увозила новое чувство времени. Время здесь текло не линейно, а по спирали, возвращаясь к тем же страстям, тем же трагедиям, той же красоте, что и тысячи лет назад.

Италия научила её, что искусство – это не то, что висит в музеях. Это то, как ты варишь утренний кофе, как споришь с другом в кафе, как смотришь на закат над тосканскими холмами. Это страсть, вложенная в каждое мгновение жизни. И этому искусству нельзя научиться по книгам. Его можно только прожить.

III. АРГЕНТИНА

Самолет приземлился в Буэнос-Айресе в сезон дождей. Воздух был густым и влажным, пах мокрым асфальтом, жареным мясом и далеким, едва уловимым ароматом жасмина. Ася ехала в такси по проспекту 9 Июля – самому широкому в мире, но ощущала не размах, а странную сдавленность. Широкие проспекты здесь неожиданно обрывались узкими переулками, где в полумраке старых домов теплился желтый свет фонарей.

Ее комната в гестхаусе в Сан-Тельмо находилась на третьем этаже старого особняка с облупившейся лепниной и скрипучим лифтом-клеткой. Из окна открывался вид на соседскую стену, покрытую граффити, изображавшими страстное танго. Ася распаковала чемодан и вдруг почувствовала острую, ни с чем не связанную тоску. Это была не ее тоска. Казалось, сам город пропитан ею – сладкой и горькой, как мате.

Вечером она пошла на свою первую милонгу. Это была не туристическая шоу-программа, а настоящий клуб в подвале старого здания. Дым сигарет сигары сизым туманом стелился под низкими сводами. Пахло кожей, старым деревом, дорогими духами и потом. И звучала музыка – разбитое сердце бандонеона, надтреснутая скрипка, ритмичный стук контрабаса.

Ася сидела за столиком в дальнем углу, потягивая терпкое мальбек, и наблюдала. Пары выходили на небольшую танцплощадку. Их тела сливались в единый организм, ведущий немой, сложный диалог. Это не был танец в привычном понимании. Это была драма – страсть, ревность, тоска, примирение – разыгранная за три минуты.

И вот ее взгляд зацепился за одну пару. Мужчина, высокий и гибкий, в облегающем костюме, вел свою партнершу в серии стремительных вращений. Его движения были отточены, резки, почти агрессивны. И в этом профиле, в этом властном жесте руки на спине партнерши, она с ужасом узнала Ване.

Точнее, не его самого, а его призрак. Тот самый, что явился ей семь лет назад на балу в «Орлёнке». Танец, который она наблюдала тогда, застыв у стены, с комом в горле и ледящим сердцем отчаянием. Танго, которое он танцевал с Настей. Идеальное, красивое, безупречное. И убийственное для нее.

Память нахлынула с такой силой, что у нее перехватило дыхание. Она снова была той шестнадцатилетней девочкой, в нелепом платье, с горящими ушами и одной-единственной мыслью: «Почему не я?». Она снова видела его улыбку, обращенную к Насте, их легкий, непринужденный разговор после танца. Она снова чувствовала глущую боль предательства, хотя он, по сути, ничего ей не был должен.

Ее пальцы сжали край стола так, что побелели костяшки.

Она не замечала ни музыки, ни дыма, ни других людей. Перед ней был только тот, старый танец, отпечатавшийся в памяти навсегда.

– *Parece que vio un fantasma.* – Похоже, вы увидели призрака.

Ася вздрогнула и обернулась. Рядом стоял пожилой аргентинец с седыми, закрученными кверху усами и глазами, испещренными морщинами. Он был одет в безупречный костюм-тройку и держал в руке бокал.

– *Lo siento, no entiendo,* – пробормотала она, с трудом вспоминая испанский.

– Говорю, вы выглядите так, будто увидели призрак, – повторил он на ломаном английском с сильным акцентом. – Это здесь часто бывает. Танго вызывает призраков. Особенно старые.

Он представился: дон Роберто, бывший танцор, теперь – завсегдатай милонг. Он присел за ее столик без приглашения, с естественностью старого друга.

– Этот танец, – кивнул он в сторону пары, – он о вас?

Ася, сама удивляясь своей откровенности, коротко сказала. Про «Орлёнок», про медляк, про чужое танго, про боль, которую она, казалось, давно забыла.

Дон Роберто выслушал, не перебивая.

– *Tango no es solo un baile. Es un sentimiento triste que se baila,* – произнес он задумчиво. – Танго – это не просто танец. Это грустное чувство, которое танцуют. Грусть по то-

му, что было. Или по тому, что не случилось. Вы грустите по танго, которое не станцевали. Это самая горькая грусть.

Он предложил ей станцевать. Ася испуганно запротестовала, но он уже вел ее на площадку.

– Не бойтесь. Просто слушайте музыку и... свою грусть.

Ее первые шаги были неуверенными, скованными. Но потом, ведомая твердой рукой дона Роберто, она начала расслабляться. Это не было страстное, виртуозное танго, как у той пары. Это был медленный, печальный разговор. И в этом движении она вдруг отпустила ту старую боль. Она поняла, что танец в «Орлёнке» был не про нее и Ваню. Он был про них – Ваню и Настю. И ее боль была болью от несбывшихся ожиданий, от придуманной ею самой истории.

На следующий день она пошла на кладбище Реколета. Это был не музей смерти, а город в городе – с улицами, перекрестками, домами-склепами из мрамора и гранита. Среди роскошных памятников и плачущих ангелов бесстрашно бродили ухоженные коты, словно хранители этого места.

Она нашла склеп семьи Дуарте, где была похоронена Эвита Перон. У склепа всегда кто-то стоял, принося цветы. Жизнь и смерть, слава и забвение – здесь все было переплетено.

Она села на скамейку в тени кипарисов. Тишина кладбища была особой – насыщенной, густой. И в этой тишине к ней пришло странное успокоение. Аргентина, ее меланхо-

лия, ее танго, ее страсть к жизни на грани с смертью – все это помогло ей похоронить собственного призрака. Призрака несбывшейся первой любви.

Она достала из сумки ту самую открытку из Парижа: «Мой дорогой, сегодня шел дождь, и это было прекрасно». Теперь она понимала это глубже. Прекрасно могла быть не только радость, но и грусть. Потому что это тоже часть жизни. Самая глубокая и честная.

Последний вечер в Буэнос-Айресе она снова провела на милонге. Танго уже не пугало ее. Она смотрела на танцующие пары и видела в них не напоминание о своей старой боли, а красоту человеческих эмоций – любых, даже самых горьких.

Когда дон Роберто снова пригласил ее на танец, она согласилась легко. И в этот раз ее движения были более уверенными. Она не пыталась повторять сложные steps. Она просто слушала музыку и позволяла телу двигаться в такт ее собственным чувствам. Грусть никуда не ушла, но она перестала быть раной. Она стала просто цветом ее настроения, как синий цвет на полотне художника.

Уезжая из Аргентины, Ася не чувствовала легкости, как после Франции, или наполненности, как после Италии. Она чувствовала катарсис. Очищение. Она оставила здесь тяжелый чемодан старых обид.

Самолет набирал высоту, и огни Буэнос-Айреса таяли вдали, как расплывающиеся в ночи звуки бандонеона. Она

закрыла глаза. Перед ней больше не возникал образ Вани, танцующего с Настей. Вместо него был ее собственный танец – медленный, печальный и по-своему прекрасный. Танец ее шестнадцатилетней грусти, который она наконец-то станцевала до конца. И отпустила.

IV. ОАЭ

Перелёт из Буэнос-Айреса в Дубай занял бесконечные двадцать часов, но настоящим путешествием во времени стал сам переход из самолёта в терминал. Влажная, томная меланхолия Аргентины сменилась стерильным, сухим холодом кондиционированного воздуха. Всё вокруг сияло и сверкало – от отполированного до зеркального блеска мрамора пола до футуристических конструкций под потолком. Не было ни пылинки, ни соринки. Тишину нарушал лишь мягкий гул вентиляции и щёлканье каблучков по плитке.

Таксист, одетый в безукоризненно чистую униформу, говорил на беглом английском. Машина – новейшая Toyota – пахла салонным освежителем. За окном проплывали причудливые небоскрёбы, похожие на кристаллы, выращенные в лаборатории. Ни намёка на патину времени, на потёртости, на случайность. Всё было продумано, спроектировано, построено.

Ася сняла номер в отеле с видом на Бурдж-Халифу. Стоя у панорамного окна на 48-м этаже и глядя на этот рукотвор-

ный лес из стекла и стали, она чувствовала себя героиней антиутопии. После человеческой, слегка потрёпанной красоты Европы и страстной души Аргентины этот город казался красивой, но бездушной машиной. Ей было не по себе.

На следующее утро она отправилась в торговый центр «Дубай Молл». Это был не просто магазин, а целый мир под крышей. Здесь был гигантский аквариум с акулами, полно-размерный каток и водопад с ныряющими фигурами акробатов. Она сидела в кафе с видом на ледяную гладь катка, где в 40-градусную жару за бортом дети катались на коньках, и чувствовала когнитивный диссонанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.